

Действующие лица

Алонзо, король неаполитанский.

Себастьян, брат Алонзо.

Просперо, законный герцог миланский.

Антонио, брат Просперо, узурпатор миланского престола.

Фердинанд, сын короля неаполитанского.

Гонзало, старый честный советник.

Адриан
Франсиско } вельможи.

Тринкуло, шут.

Калибан, уродливый невольник-дикарь.

Стефано, пьяница-дворецкий.

Капитан корабля.

Боцман.

Матросы.

Миранда, дочь Просперо.

Ариэль, дух воздуха.

Ирида
Церера
Юнона
Нимфы
Жнецы } духи.

Другие духи, покорные Просперо.

Место действия: корабль на море; затем необитаемый остров.

АКТ I

Сцена I

КОРАБЛЬ НА МОРЕ.

Буря, гром и молния.

Входят Капитан корабля и Боцман.

Капитан

Боцман!

Боцман

Есть, капитан! Что надо?

Капитан

Поговори, миляга, с матросами. Принимайтесь за дело живей, а не то мы на мель сядем. Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! (*Уходит.*)

Входят матросы.

Боцман

Эй, дружки! Веселей, дружки! Живо, живо! Уберите стеньгу! Слушать капитанский свисток. — Ну, теперь дуй себе на просторе, пока не лопнешь!

Входят Алонзо, Себастьян, Антонио, Фердинанд, Гонзало и другие.

Алонзо

Любезный боцман, постарайся. Где капитан? Подбодри команду.

Боцман

Оставайтесь внизу, пожалуйста.

Антонио

Скажи, боцман, где капитан?

Боцман

Не слышите, что ли, где он? Вы мешаете нам работать. Сидите в своих каютах. Так вы только буре помогаете.

Гонзало

Ну, любезный, успокойся.

Боцман

Когда море успокоится. Прочь отсюда! Какое дело этим ревущим волнам до вашего короля? По каютам! Смирно! Не мешать нам!

Гонзало

Однако, любезный, не забывай, кто на твоём корабле.

Боцман

Никого такого, кого бы я любил больше, чем самого себя. Вы, вот, советник; так если вы можете посоветовать стихиям замолчать и в состоянии усмирить их, — распоряжайтесь: мы ни до одного каната больше не дотронемся. Воспользуйтесь своей властью! А не можете, так благодарите бога, что так долго прожили на свете, и приготовьтесь у себя в каюте на случай, если приключится беда. — Веселей, дружки! — Прочь с дороги, говорят вам!

(Уходит.)

Гонзало

Одно меня утешает: этот малый никогда не утонет, — на нем печать человека, созданного для виселицы. Благодатная судьба! Стой только на том, чтобы его повесить. Пусть его веревка будет для нас якорным канатом: на наш канат надежды мало. Если он не рожден для виселицы, — плохо наше дело.

Уходят Алонзо, Себастьян, Антонцо,
Фердинанд, Гонзало и др.
Возвращается Боцман.

Боцман

Отпусти брамстенюгу! Живо! Ниже, ниже!пусти ее на фокзейль!

Внутри корабля слышен крик.

Чума их разрази, как воют! Громче бури, громче команды!

Входят Себастьян,
Антонио и Гонзало.

Опять вы здесь? Чего вам надо? Что же, бросить все и утонуть? Очень вам хочется пойти ко дну?

Себастьян

Чтоб тебя оспа схватила за горло, крикун ты, бо-гохульник, безжалостный пес!

Боцман

Работайте тогда сами.

Антонио

Черт тебя дерит, собака! Подзаборник ты, наглый горлодер! Мы меньше боимся потонуть, чем ты.

Гонзало

Нет, ручаюсь, что он не потонет, будь этот корабль не прочнее ореховой скорлупы и имей он такую течь, как у развратной бабы.

Боцман

Подведи под ветер, под ветер! Отдай два паруса, и опять в море. Отваливай!

Входят измокшие матросы.

Матросы

Погибли мы! Молитесь! Все погибло!

Боцман

Неужто мы холодного глотнем?

Гонзало

Король и принц давно уж на молитве.
Пойдем и присоединимся к ним:
У нас одна судьба.

Себастьян

Я вне себя!

Антонио

Мы погибаем из-за этих пьяниц!
Проклятый спорщик! В море десять раз
Чтоб ты погиб!

Гонзало

Его еще повесят, —
Хотя б все капли нам клялись в противном
И поглотить его старались.

Голоса
(внутри корабля)

Господь, помилуй нас! — Мы тонем, тонем! —
Прощай, жена! — Прощайте, дети! — Тонем!

Антонио
Погибнем вместе с королем!

Себастьян
Пойдем, простимся с ним.

Уходят Антонио и Себастьян.

Гонзало
Вот когда я отдал бы тысячу миль моря за одну
десятину самой негодной земли — бесплодного вереска,
дикого терна, чего угодно! Да будет господня
воля, но лучше бы умереть сухой смертью. (*Уходит.*)

Сцена 2

ОСТРОВ. ПЕРЕД ПЕЩЕРОЙ ПРОСПЕРО.

Входят Просперо и Миранда.

Миранда
Отец, когда своею властью волны
Ты взбушевал, утишь их. Небеса
Низвергли б, кажется, смолы потоки,
Когда бы море, до небес вздымаясь,
Огня не угашало. Я страдала
С несчастными, когда корабль прекрасный
И с ним пловцы — достойные, наверно, —
Пошли ко дну. О, этот вопль отдался
Мне прямо в сердце! Бедные! Погибли!

Будь я могучим божеством, я б море
Низвергнула во глубь земли скорее,
Чем дать ему так поглотить корабль
И с ним людские души.

Просперо

Успокойся.

Пусть знает сострадательное сердце:
Я зла не сделал.

Миранда

Горе!..

Просперо

Все спаслись,

Я все свершил, заботясь о тебе,
О дорогая дочь моя! Ведь ты
Не знаешь, кто ты и откуда я.
Ведь для тебя я — Просперо, и только,
Владелец очень бедного жилья
И твой отец.

Миранда

Знать больше мне на ум
Не приходило.

Просперо

Но настало время,
Чтоб все тебе открыл я. Помоги мне
Мои волшебные одежды снять.

(Снимает плащ.)

Покойся, власть моя! — Отри глаза:
Ужасное крушение корабля,
Внушившее тебе такую жалость,

Я силой магии своей устроил
Так, что из них никто не пострадал
Ни на волос: никто из тех, чью гибель
Ты видела, чьи стоны ты слыхала.
Все целы! Но теперь садись и слушай:
Ты все должна узнать.

Миранда

Отец, ты часто
Мне начинал рассказ о том, кто я,
Но, смолкнув, оставлял меня в сомненье,
Сказав: «Стой... нет еще!»

Просперо

Теперь — пора.
Минута наступила все услышать.
Вниманье! Можешь ты припомнить время,
Когда мы не жили с тобой в пещере?
Не думаю: ведь не было тебе
Трех лет тогда.

Миранда

Нет, батюшка, я помню.

Просперо

Что? Дом иной или иных людей?
Попробуй описать мне все, что память
Уберегла.

Миранда

Все так далеко, смутно —
Скорее сон, а не воспоминанье.
Как будто, помнится, за мной ходили
Четыре или, может быть, пять женщин.

Просперо

И даже больше. Но скажи, Миранда,
Как это помнишь ты? И что еще
Ты видишь в темной пропасти времен?
Коль помнишь ты, как раньше ты жила,
Так помнишь и приезд сюда?

Миранда

Не помню.

Просперо

Двенадцать лет тому назад, Миранда,
Отец твой герцогом миланским был
И мощным государем.

Миранда

Как! Но разве

Ты не отец мне?

Просперо

Живая добродетель — мать твоя —
Сказала мне, что ты мне дочь. Отец твой
Был герцогом миланским, и его
Наследница-принцесса — ты.

Миранда

О небо!

Какой же нас обман изгнал оттуда?
Иль это было к счастью?

Просперо

Дочь моя,

То и другое: нас изгнал обман,
Но счастье привело сюда.

Миранда

Как больно,
Что я в тебе печали пробудила,
Которые мне чужды. Продолжай же.

Просперо

Антонио, мой брат и дядя твой...
Прошу, внимай: чтоб брат родной мог быть
Таким коварным — он, кого любил
Я после дочери всех больше в мире!
Ему правленье государством вверил;
Оно в стране из княжеств первым было,
А Просперо — из герцогов был первым.
В достоинстве и в знании искусств
Я равных не имел. Но, поглощенный
Наукой, брату отдал я правленье
И отошел от дел, предавшись страстно
Наукам тайным. Твой коварный дядя...
Ты слушаешь?

Миранда

Отец, со всем вниманьем.

Просперо

Он изучил, когда склоняться к просьбам,
Когда их отвергать; кого возвысить,
Кого за дерзость покарать. Моих
Приверженцев своими сделал он;
Умел перевоспитывать людей
Или сменять их; овладев ключами
От дел и от людей, он все сердца
На свой настроил лад. Он стал плющом,
Обвившим, скрывшим мой державный ствол, —
И высосал все соки. Слышишь ты?

Миранда

Я слушаю, отец.

Просперо

Прошу, вниманье!

Презрев земные цели, я в тиши
Мечтал усовершенствовать себя
В науке, что — не будь так недоступна —
Стояла б выше всех других. Но в брате
Натура злая пробудилась. Вера
Моя в него в нем развила коварство
Такое ж сильное, как эта вера,
Поистине не знавшая границ.
Доверье без предела. Он, владея
Не только что доходами моими,
Но всем, что мог я требовать как герцог, —
Подобно тем, кто, правду искажая,
Так память затемнит свою, что верит
Сам лжи своей, поверил, что он герцог,
Не только заместитель. Он имел
Все знаки внешние верховной власти,
И честолюбье в нем росло. Ты слышишь?

Миранда

Рассказ твой излечил бы глухоту.

Просперо

Чтоб роль свою действительностью сделать,
Он возмечтал стать герцогом в Милане.
Мне, бедному, моей библиотеки
Для власти хватит! А к земному царству
Меня негодным счел. Так жаждал власти,
Что с королем Неаполя сошелся:
Ему покорность обещал и дань,